

ПРОЛОГ

Ожидания, ради воплощения которых я проделала столь долгий путь и принесла мучительные жертвы, наконец оправдались. Проходя мимо полок, на которых пылились всевозможных форм и размеров банки и склянки, я не могла скрыть восторга. Части тел, от зубов и до крыльев, покоились на стеллажах под железными оковами, но лишь одна банка на отдельном стеллаже оказалась пуста. Многочисленные глазные яблоки плавали в формалине, прожигая меня пристальными взглядами в немом благословении, даруя силу и веру.

Ненависть, царившая в комнате, окутывала мое тело невидимыми нитями и подпитывала энергией.

Услышав скрип половиц, я повернула голову на источник звука, невольно закатив глаза. Мужчина скрючился на деревянном стуле со связанными за спиной руками. Скользкими от пота пальцами он отчаянно пытался развязать веревку, опутывающую запястья, словно любовник в нежном, но требовательном прикосновении. Лицо его было покрыто кровавыми подтеками и гематомами, левый глаз

припух, разодранная одежда лоскутами спадала на пол, оголяя дряблую морщинистую кожу.

Мрак затопил кабинет, и лишь танцующий в камине огонь позади дрожащего пленника — месье Лумьера, известного в особых кругах необычным хобби, — слабо освещал пространство. Желтые и оранжевые отблески рисовали таинственные узоры на стенах и потолке, позволяя рассмотреть предметы мебели. В первую очередь взгляд останавливался на массивном столе, сделанном из темного дуба, и кресле с высокой резной спинкой. Во вторую — на забитых зловещими трофеями стеллажах, которые тянулись вдоль стен. Они настолько тесно прижались друг к другу, что казалось, стоит одному из них исчезнуть, и комната рассыплется, превратившись в кристаллики морской соли. Сквозь шторы, обрамляющие небольшое окно, лился слабый лунный свет, точно протягивал прозрачную руку в попытке спасти изувеченного мужчину.

В аскетичном помещении находилось все необходимое для одержимого коллекционера частей тел моих сестер.

Заметив мой взгляд, наполненный презрением, Лумьер оскалился, продемонстрировав дыру вместо двух передних зубов, и прорычал:

— У тебя ничего не получится, чертова сирена! Тебя убьют, прежде чем ты попытаешься что-то украсть!

Я снисходительно улыбнулась узнику, будто ребенка, который ляпнул какую-то глупость, и, не сводя с него взгляда, аккуратно взяла с полки маленький флакон малинового цвета с пенящейся внутри жидкостью и, откупорив деревянную пробку большим пальцем, залпом выпила содержимое.

Приятное тепло окутало тело, изучая каждый его уголок.

Глаза пленника, один — сине-черного цвета, точно небо перед грозой, второй — полностью белый, широко распахнулись, пока он наблюдал за моими действиями. Еще больше задержавшись на стуле в попытках освободиться, мужчина начал серьезно опасаться за сохранность коллекции пугающих трюфеев.

Приблизившись, я положила холодные ладони на покрытые мелкими ссадинами плечи узника и вонзила когти в плоть, наслаждаясь беспомощностью и болью коллекционера. Начала медленно обходить коллекционера, словно акула, готовая к нападению. Я упивалась страхом убийцы, который напитывал комнату особым терпким ароматом. Остановившись за его спиной, провела кончиками пальцев по шее, опускаясь вниз к позвонкам. Мужчина повел лопатками и дернулся назад, пытаясь задеть, но вызвал у меня новую волну раздражения, смешанную с жалостью к никчемному существованию Лумьера.

— Знаешь ли ты, Лумьер, что за все в этой жизни приходится платить? Наверняка ты думал, что, собирая моих сестер по частям, словно скот, обретешь величие и могущество, но догадывался ли ты, что это приведет к единому для всех существ исходу, — склонившись над ухом мужчины, тихо прошептала я, удовлетворенная рваным дыханием узника, которое он пытался унять, чтобы скрыть страх. — К смерти.

— Ты думаешь, что этот дрянной мальчишка сдержит обещание? Он сотрет тебя с лица земли, как только его братцу станет хоть на толику легче! —

Выплевывая каждое слово, словно яд, Лумьер резко дернулся вперед, пытаясь вонзить зубы в мое лицо.

Вовремя отпрянув и обойдя стул, я остановилась напротив пленника и, натянув ехидную улыбку, ударила по его колену, с наслаждением услышав хруст дробящихся костей.

Мой смех и яростный вопль коллекционера наполнили комнату. Двинувшись дальше вдоль рядов с редкими трофеями, каждый из которых я внимательно осматривала, остановилась, заметив резную шкатулку. Открыв ее и заглянув внутрь, не в состоянии сдержать ухмылки, достала небольшое яблоко, покрытое каплями росы, и, поднеся кроваво-красный плод ко рту, медленно облизала влагу, наслаждаясь ее прохладой, и откусила, вытерев тыльной стороной ладони сок, стекающий по губам и подбородку.

— Не смей! Не смей! НЕ СМЕЙ! — Голос узника перешел на визг.

Это был плод, благословенный самой Алконостой — сестрой, которая одним мановением крыла смахивала с него росу и наделяла особой силой: защищать не только тело, но и разум. Плод хранил в себе кровь Вуивра, Короля змей, каждая капля которой приносила испившему невероятные богатства и исполнение желаний, а также душу Берегини, моей кровной сестры, зовущей к себе и желающей воссоединиться. Почувствовав легкий толчок в груди, я удовлетворенно кивнула, давая время трем душам, трем жертвам, стать единым целым.

Лумьер, ерзающий на стуле, казался совсем запуганным. Он часто и шумно дышал — его грудь судорожно поднималась и опускалась, словно узник не мог глубоко вдохнуть.

— Как же ты мне надоел со своими бесконечными криками.

Раздраженно произнеся эту фразу, я позволила сирене взять верх над телом, чувствуя, как болезненно проступают жабры, пока глаза заволакивает кровавая пелена.

Лумьер, открыв рот от ужаса, закричал еще отчаяннее и принялся подпрыгивать на стуле, чтобы ослабить веревку на запястьях.

Я бросила через плечо бесполезное надкушенное яблоко, свободной рукой схватила с ближайшей полки платок, принадлежащий Хозяйке рощи, которая властвовала над птицами и зверями и помогала заблудившимся путникам.

— Это должно тебе помочь найти дорогу в преисподнюю. — Заткнув глотку мужчины платком, я натянула ткань на затылке, отчего в уголках рта пленника выступили капли крови. — Знаешь, Лумьер, огонь очищает, смывает все грехи. Жаль, что ты сам не додумался до такого способа освобождения.

Коллекционер жалобно заскулил, не в силах произнести ни слова из-за кляпа во рту. Его глаза широко распахнулись, из них брызнули слезы.

Внимательно всматриваясь в огонь, который разгорался в камине за спиной мужчины, я не могла скрыть восторга от гениальности своего плана.

Одна из моих глупых сестер, влюбившись в смертного, умоляла Персефону на коленях дать ей свободу и воссоединиться с возлюбленным, поскольку носила под сердцем его ребенка. Дитя, порожденное морской и земной сущностью, хранившее силу обеих стихий. Если все получится, я займу место ребенка, вытесню его душу и заполню собой малень-

кое тельце, а после, сыграв роль послушной дочери, стану Королевой.

Будто прочитав мои мысли, Лумьер сильнее забился на стуле, пытаясь его перевернуть и разнести в щепки ради спасения. С усмешкой наблюдая за нелепыми попытками остаться в живых, я подошла к камину, достала оттуда палку и, вернувшись, поднесла ее конец, охваченный желто-оранжевыми язычками, к шторе. Ткань моментально объяло пламенем, запах гари заполнил всю комнату.

Осталось лишь подождать пару минут, — и все будет кончено.

Короткое обтягивающее платье цвета кровавого заката, едва доходившее мне до колен, тоже вспыхнуло, вмиг превратившись в огненный цветок.

— Встретимся на другой стороне, если ты, конечно, выживешь.

Последнее, что я увидела, перед тем как провалиться в темноту, были предсмертные судороги Лумьера. Коллекционер, вытаращив глаза и дико вереща, встречал освобождение, полностью объятый пламенем.

...Казалось, прошло лишь мгновение, когда я снова распахнула глаза и закричала во всю мощь легких в теле младенца. Женские руки заботливо обхватили меня, крепко прижали и начали медленно гладить по голове, а ласковый голос запел тихую песенку. Успокоившись и замолчав, я прикрыла глаза и выдохнула, не до конца веря в происходящее, позволяя сну унести меня в мир грез.

Все задуманное свершилось.

Тела новорожденных детей, которые я использовала неоднократно, не могли справиться с моей силой. Умирая, едва достигнув шести месяцев, их ис-

тинные души покидали землю, оставляя место печали и скорби. Но этот ребенок, эта девочка была особенной. Она была дочерью моей сестры.

Дочерью сирены.

Перед тем как переродиться, сжираемая пламенем, я молила Персефону о том, чтобы она сохранила мое первозданное человеческое обличье. Хотела, чтобы Охотник нашел меня такой, какой оставил тогда, в доме миссис Брейк.

Прошло семь лет с тех пор, как мои силы в теле ребенка начали проявляться, доставляя множество проблем и хлопот. Наблюдая с берега за детьми, которые, радостно визжа, плескались в море, испытывала к ним отвращение и нестерпимую злобу. Как только они выходили на берег, я вынуждена была натягивать любезную улыбку и продолжать непринужденное общение, каждый раз ссылаясь на слабое здоровье, из-за которого мне нельзя плавать в море.

«Девушка, избегающая воды».

Так меня называли. Что ж, так оно и лучше.

Боясь, что сирена вырвется на свободу, показав в самый неподходящий момент истинный облик, хотела обратиться за помощью к истинной матери, но она игнорировала мои просьбы. Из раза в раз мое сердце болезненно сжималось оттого, что я чувствовала себя поломанной куклой, выкинутой на берег, которая вынуждена самостоятельно зализывать раны.

В один из вечеров я сбежала из дома, никого не предупредив. Не прошло и часа, как мне явилась сестра. Она нашла меня в чаще леса, будто почувствовав затопившее душу отчаяние. Сестра осторожно присела рядом и разжала кулак. На ладони лежал кулон в виде светло-кремовой ракушки. Удивленно

выгнув бровь, я провела маленькими пальцами по ее поверхности, ощущая неровности и сколы.

Сестра, коротко кивнув, передала украшение мне и, наклонившись, тихо произнесла:

— Я все знаю, моя дорогая Эмилия. Пусть этот кулон будет твоим спасением и заточением, пока ты не дойдешь до своей цели.

Я позволила себе слабость и прижалась худым телом к груди женщины, которая бережно поцеловала меня в макушку и принялась напевать грустную песню, смысл которой был понятен только нам.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Анафемор

Познай историю мира нашего.

Тысячу лет назад, когда существовало лишь два континента посреди бескрайнего Дарийского моря, Эрида, богиня раздора и хаоса, решила, что ей наскучило наблюдать за размеренной жизнью двух народов.

Сирция. Континент, на котором обитали чудовища. Круглый год цвели сады, воздух опьянял, вызывая эйфорию. Смех, танцы, веселье были главными спутниками существ. Боги, создавшие чудовищ, внимательно наблюдали за своими детьми с Олимпа и благословляли их браки, принимая в семью новых детенышей, унаследовавших особенности обоих родителей. Вепри, ламии, суккубы, оборотни, кентавры, банши заселили вечнозеленые просторы Сирции.

Сирены, проводившие большую часть жизни в воде и воздухе, были главными защитницами и добычицами пропитания на континенте. Зачастую они, рассекая воздух, быстро снижались в самый

эпицентр раздоров, призывая чудовищ прекратить сеять смуту. Те, недолго думая, лишь кротко кивали, улыбаясь в ответ, — и на континенте снова воцарялись мир и покой. Сирен боялись и почитали, поскольку они были дочерьми самой Персефоны.

Людмирия. Континент, куда боги Олимпа заселили людей, дав им огонь, оружие и животных, благодаря которым они питались и поддерживали жизнь. Континент был покрыт массивными лесами, скрывающими дома от знойного солнца. Многочисленные речки и водоемы не иссыхали и наполнялись пресной водой каждый год.

Боги любили людей, поэтому даровали им одно из чудес Олимпа — источник молодости и здоровья, расположенный в самом сердце континента. Дорожка, ведущая к нему, была вымощена алыми цветами. Вокруг оазиса, который достигал около трех метров в глубину, ползали змеи, охраняя его. Яркий солнечный свет, полосами пробивающийся сквозь листву, позволял рассмотреть лишь небольшие участки земли, скрывая от человеческих глаз то, что таилось на дне. Только тот, кто чист сердцем и помыслами, мог испить воды, излечив все болезни. Смертный, желающий воспользоваться источником ради собственной выгоды, умирал мучительной смертью, пока яд змей проникал в его организм, после чего чудовища, приняв истинный облик, утаскивали мертвеца на дно. Никто из людей не догадывался, что змеи, замороженные богами, были ламиями — демоническими существами со змеиными хвостами вместо ног.

Оба народа не знали друг о друге, лишь ламии, заслужившие благословение богов, могли жить рядом с людьми и наблюдать за ними в образе змей. Бес-

крайнее море, заключившее в объятия оба континента, не позволяло даже сиренам беспрепятственно бороздить морские просторы. Вскоре морские девы лишились крыльев из-за прихоти Персефоны, их прародительницы, долгое время наблюдавшей за дочерьми. Богиня считала, что дочери смогут добраться до Олимпа и сместить ее, занять место, которым она так дорожила. Персефона, жадная до власти и могущества женщина, не могла допустить подобного, хотя ее творения никогда не позволяли даже думать о подобном. Когда безжалостное решение было принято, крики ужаса и боли поглотили континент: израненные сирены отползали к морю, и только вода теперь могла заглушить их страдания. Море, окрашенное кровью, заставляло чудовищ испытывать отчаяние и сжимать кулаки в бессильной ненависти.

Эрида, богиня раздора и хаоса, долгое время наблюдала за чудовищами и людьми, изучая их повадки. Обратившись в старуху, она спустилась с Олимпа к людям и рассказала, что есть на свете континент, краше которого нет. Цветы там благоухали круглый год, существа, населяющие его, веселились и отдавались похоти там, где захочет душа. Ни стеснений, ни упреков, ни раздоров — каждый был свободен. Люди слушали с открытыми ртами и, не сомневаясь в ее словах, умоляли показать дорогу к этому месту. Эрида лишь усмехнулась и испарилась, оставив смертных в замешательстве.

Поднявшись на Олимп, она нашла своего дядю Посейдона и, воспользовавшись чарами, заставила его сдвинуть континенты и осушить часть моря, чтобы люди смогли добраться до Сирции. Вернувшись в Людмирию, она показала смертным, как строить

лодки и корабли. Прошел не один месяц, прежде чем первое судно покинуло континент и причалило к берегам Сирции.

Люди, ступившие на земли чудовищ, не могли скрыть восторга. Солнце, восходящее над горизонтом, не обжигало, его лучи приятно касались кожи. Пение птиц доносилось со всех сторон. Дурманящий аромат наполнял тело неиссякаемым наваждением, избавлением от которого служили пленительные объятия. Пройдя в глубь леса, люди увидели населяющих континент существ, которые не были похожи на ужасных тварей из рассказов Эриды, хоть они и являлись обладателями копыт, рогов, бледной кожи, крыльев или чешуи.

Богиня раздора, спрятавшись среди деревьев, ожидала, что чудовища набросятся на людей и уничтожат их, обглодав кости, но этого не случилось. Даже наоборот, чудовищ тянуло к людям, словно магнитом. Пропитавшая воздух эйфория влияла на всех одинаково: вызывала желание поцеловать незнакомца или незнакомку и заняться любовью — по-дикому, по-животному, прямо здесь, на траве.

Союзы между людьми и чудовищами были противоестественны. Однако, несмотря на протесты, кто-то из смертных согласился остаться на новом континенте, а кто-то из окрыленных любовным флером чудовищ отправился на родину к смертным. Люди, оставшиеся в Людмирии, с радостными возгласами встречали родственников и друзей на берегу, но стоило им завидеть тех, кого они привезли с собой, как в их сердцах моментально зародилось новое чувство — страх.

В Сирции и Людмирии рождались гибриды, внешне неотличимые от смертных, но обладающие необыкновенными способностями, которые нельзя было уничтожить или подавить. Дети, не справляющиеся с даром, умирали, не достигнув и семи лет. Чудовища, обезумевшие от горя, обвиняли в этом людей, ссылаясь на всепоглощающий человеческий ужас, который со временем пожирал носителя удивительных способностей. А люди, в свою очередь, одержимые страхом, доводили чудовищ до самоубийства. Они никогда не марали руки сами, но умело подталкивали чужестранцев в объятия смерти.

Зевс, не знающий о кознях Эриды, пожалел обезумевших родителей и поднял с морских глубин еще пять континентов: Антилью, Сербонию, Парифиду, Лемию и Пранию. На каждый из них он заселил семьи, в которых рождались люди со способностями: кто-то обращался в сирену при контакте с водой, кто-то обладал недюжинной силой, кто-то питался кровью людей и их страхами, кто-то рождался со змеиным хвостом и мог понимать других пресмыкающихся.

Чудовища, прознав о судьбе сестер и братьев, которые отправились на родину людей и впоследствии совершали самоубийства, поклялись на крови, что отомстят за боль и слезы и никакие континенты, моря и расстояния не смогут их в этом остановить.

Так началась война людей и чудовищ.

Люди безжалостно истребляли существ: кентавров обезглавливали, гарпий заживо сжигали на кострах, суккубов насильно увозили с родных земель и оставляли гнить в железных клетках, где они не

могли напитать тело мужской энергией, медленно и мучительно погибая.

Самая жестокая судьба постигла сирен. Поскольку они теперь могли беспрепятственно рассекать море и попадать на другие континенты, моряки заманивали их в ловушки. Когда подходило время охоты, убийцы делали из старых тряпок подобие затычек, брали с собой битое стекло, кинжал, выплавленный из стали, и соль. Они выставляли на берегу особую приманку — молодого красивого нагого юношу — и с нетерпением ожидали сирену, которую тут же ловили в серебряные сети и силком тащили на берег. Лишенная покровительства моря, сирена тут же меняла облик: становилась похожа на девушку, принадлежность которой к волшебным существам выдавали шрамы на спине от потерянных крыльев, жабры на шее и алый оттенок глаз. Охотники очерчивали вокруг жертвы круг из соли, ставили коленями на битое стекло, чтобы она не смогла сбежать. Морская дева пыталась использовать дар и воздействовать на убийц пением, но самодельные затычки заглушали все звуки. Вдоволь насладившись мучениями сирены, люди насильовали ее, после чего убивали и выкидывали обратно в море на съедение рыбам.

Персефона, прародительница сирен, сходила с ума от горя, оплакивая дочерей. Зевс запретил вмешиваться в войну людей и чудовищ, вызвав волну негодования в душе Богини. Ослепленная мстью, она заманивала людские корабли в гигантские смертельные водовороты и штормы, безжалостно убивая их, чтобы возвести на человеческих костях остров. Эта земля должна была служить для сирен убежи-

щем от смертных, но Богиня позабыла: даже самое безопасное место может стать логовом врага, если действиями движет любовь или жажда власти.

Когда дар сирен только начинал проявляться в теле ребенка, Персефона отводила их к морю и повелевала принять истинную сущность. Она открывала для них Сенерцию — небольшой полуостров, скрытый от человеческих глаз острыми рифами, где сирены могли быть собой, не боясь уничтожения. Морские девы сидели на каменных выступках, смеялись, разговаривали и обсуждали охоту. Но вдали от тайного убежища им приходилось прятать истинный облик, используя кулоны: когда сирены выходили на поверхность, тайна оставалась нерушимой. Амулеты, будто магниты, настолько плотно соединялись с телом морских дев, что снять их с легкостью могли лишь сами владелицы, а остальные вынуждены были приложить немалые усилия. Но лишь тот, кто заключит кровавую сделку с сиреной, может прикоснуться к заветному украшению.

Так Персефона обезопасила своих детей, но такая привилегия была дарована далеко не каждому.

Еще шестнадцать лет назад чудовища оставались изгнанниками, гонимыми человеческим страхом. Но все изменилось, когда одна из сирен, не побоявшись раскрыть свою истинную сущность, спасла маленькую дочурку Правителя Людмирии, которая случайно упала в воду. После этого по всем континентам были отозваны приказы Правительства об убийстве сирен, сделав морских дев полноценными членами общества. Власть осознала, какую пользу могут принести сирены для развития мореплавания и торговли.

Однако люди не смогли принять такое положение дел и подавить в себе многолетнюю ненависть. Но-чами они выслеживали несчастных девушек, заманивали в ловушки, которые устраивали в собственных домах. Глупцы не знали, что обычным оружием нас не умертвить: лишь безразличие к пению может погубить души сирен.

Чудовища знали, что придет их время. Придет час расплаты за все те муки и агонии, которые испытали их предки.

ГЛАВА 2

Остров сирен

Притворись — и будешь ты спасен.

И будешь ты проклят, покуда душа твоя не снидет. И будешь ты проклят, покуда не искупишь грехи перед душой загубленной. И будешь ты проклят, покуда не станешь рабом.

Запах жженой плоти пропитал воздух.

Метка Персефоны.

Проклятье, обрекающее на вечную жизнь и страдание, пока вина перед погубленной душой не будет искуплена.

Исходящий от меня запах сирены убедил Персефону, что это я убил чудовище. Но жертва была еще жива. Кровь сирены, подобно яду, растекалась по моим венам, заставляя терять голову от желания обладать девушкой, сделать ее своей, стать ее рабом. Если бы я только знал, чем это все закончится, то непременно убил бы морскую деву еще тогда, двадцать лет назад.

Тело дрожало от измождения. Привкус металла, наполнивший рот, вызывал тошноту. Промокшая одежда липла к телу, при каждом движении издавая хлюпающие звуки. Цепляясь руками за песок и заставляя себя двигаться вперед, я крепко сжал челюсти. Мелкие ракушки, усыпавшие берег, больно царапали кожу сквозь порванную ткань на брюках, оставляя неглубокие порезы и ссадины.

Оказавшись на суше, я бессильно рухнул на спину, почувствовав, как песок попадает в кровоточащие раны на теле. При каждом вздохе ощущал неизмеримую боль. Разорвав остатки рубашки, дрожащими пальцами провел вдоль груди и поднес ладони к глазам. Кровь. Ни намека на пылающую метку. Засмеявшись, я схватил горсть песка и кинул в сторону моря, гневно крикнув:

— Чтобы ты сдохла, гнусная тварь!

Приподнявшись, я согнул ноги в коленях и положил на них руки, скрепив ладони в замок. Нервно покусывая нижнюю губу, силился понять, как далеко оказался от дома. Позади высился непроглядный лес, напоминающий джунгли. Лишь небольшой проходимый участок земли около моря был единственным спасением.

Судорожно проведя руками по поясу на штанах, я пальцами нащупал небольшой нож, который местами заржавел от воды. Наткнувшись взглядом на свое отражение в лезвии, не смог сдержать нервного смешка. Браслет оказался не такой уж бесполезной безделушкой, доставшейся мне от Персефоны, сразу напомнив о сделке.

Глубоко вздохнув, я сжал рукоятку оружия и резко, пока не передумал, вонзил себе в грудь.

Мимолетная вспышка боли и крик.

Капли упали на песок, алые, как и глаза морских чудовищ. Вырвав острие из податливой плоти, я отшвырнул нож в сторону, выругавшись под нос. Прикоснувшись дрожащими пальцами к ране, почувствовал, как кожа стремительно затягивается.

Раз я не могу убить тебя, то было бы крайне неразумно позволить тебе это сделать самому. Я хочу, чтобы ты страдал. Видел, как умирают те, кто тебе дорог, как их тела превращаются в прах.

Ты обречен на вечные муки, Охотник.

Если уж трезубец не смог умертвить, что уж говорить о каком-то жалком ножичке.

Я взвыл, запрокинув голову. Горло и легкие жгло. В груди пульсировало. Успокоившись, лег на песок, позволив прибою лизать ноги, и, сам того не ожидая, уснул.

Разбудил меня мелодичный женский смех, которой доносился из-за валунов в сотне метров от берега. Быстрым движением я поднялся на ноги, о чем моментально пожалел. Рана хоть и затянулась, но кожу неприятно покалывало, будто невидимые руки тянули края шрама в разные стороны, пытаюсь проникнуть в грудную клетку. Совладав с болью, я прищурился и увидел, как две девушки плескаются в воде. Луна, освещающая водную гладь, скрывала лица, но я не мог их ни с кем спутать.

Сирены.

Тайный остров.

Оглядевшись, не заметил других тварей и, засунув два пальца в рот, свистнул. Ничего умнее я не успел придумать, поскольку мне необходимо было привлечь их внимание. Морские девы моментально повернулись в мою сторону и склонили головы набок, изучая. Хищные улыбки расширились, ис-

кажая рты, стоило им только завидеть, как я начал снимать с себя одежду, бросая под ноги. Сирены не могли сказать нет мужчине, готовому раздеться перед ними: так жертва показывала полное повиновение, вверяя судьбу чудовищам.

Избавившись от штанов, я уверенным шагом направился к морю, почувствовав кожей его блаженную прохладу. Согретая солнцем вода была подобна парному молоку. Отплыв на несколько десятков метров от берега, я почувствовал слабые прикосновения под водой, будто кто-то пытался дотронуться до меня.

Откинувшись на спину и быстро работая руками, я поспешил на берег и увидел, как одна из сирен следует за мной. Почувствовав ногами песчаное дно, выбрался из воды и встал посреди пляжа. Изогнув губы в усмешке, я протянул руку к сирене, приглашая присоединиться ко мне. Алые глаза жадно изучали мое тело и лицо. Задержав взгляд на бедрах, которые не скрывала одежда, она облизнула нижнюю губу. Когда чудовище почти выбралось из моря, я заметил едва уловимое движение под водой, будто кто-то хотел утащить сирену обратно, в безопасные объятия моря.

— Я весь твой, — начал умолять дрожащим голосом для пущего эффекта. — Позволь исполнить все твои желания, позволь стать твоим рабом. Моя душа и тело принадлежат только тебе. Прошу, не оставляй меня!

Слова произвели должное впечатление, и сирена, ускорив шаг, приближалась, соблазнительно виляя бедрами. Вместо хвоста появилась пара ног, однако жабры и красный оттенок глаз никуда не исчезли. Сжав кулаки, я внимательно наблюдал за каж-

дым движением, готовясь выхватить нож, который лежал в нескольких метрах от меня в груди грязной одежды.

Когда между нами осталось всего несколько метров, я рванул вперед и хищно сжал шею сирены, застав ее врасплох. Пытаясь достать до моего лица когтями, она, словно одержимая, начала вырываться, чувствуя, что я тащу ее дальше от воды. Вторая сирена куда-то пропала. Оно и к лучшему. Но я недооценил одного: стоило мне слегка ослабить хватку, почувствовав, что сирена тяжело задыхалась, как она дала мне под дых и ринулась обратно. Выругавшись, я бросился следом.

Догнав сирену, когда вода была уже мне по колено, и опасаясь нападения со стороны ее сородичей, я сильнее схватил беглянку за шею и, приподняв увертливое тело, швырнул на берег. Та, врезавшись в песок, жалобно заскулила и кинула на меня умоляющий взгляд. Черные, словно зола, волосы волнами спадали на спину. Миндалевидные глаза, чуть вздернутый нос, пухлые губы — меня не тронули эти соблазнительные черты. Да и на вид девочке можно было дать не больше пятнадцати.

Я отбросил жалость и разговоры. Присев около дрожащего ребенка на корточки, чуть склонил голову набок и ткнул пальцем себе в грудь, где чернела метка. Сирена, проследив за моими движениями, испуганно распахнула глаза и приоткрыла рот, не издав ни звука.

— Поможешь мне добраться до дома и можешь быть свободна. Стоит тебе сделать лишь одно неверное движение, и я сверну тебе шею. Ты поняла меня?

Тишина.

— Ты поняла меня? — громче и злее спросил ее. Сирена подняла на меня взгляд, медленно кивнула.

— Вставай, я скажу тебе, куда мне надо добраться.

Я протянул руку, но сирена лишь испуганно отшатнулась, вцепившись руками в песок. Она сжала кулак, собираясь — стоило зазеваться — кинуть мне в глаза осколки ракушек. Устало проведя ладонью по лицу, я издал тихое рычание.

— З-зачем тебе д-домой? — тихо спросила сирена, обхватив дрожащее тело руками.

— Чтобы убить одну из подобных тебе тварей. Но для начала, — мое лицо свело от оскала, — я как следует развлекусь.

ГЛАВА 3

Лишь открывшись навстречу воспоминаниям, ты сможешь понять свои истинные желания.

Эмилия

Сегодня настал самый долгожданный праздник в году — открытие городской ярмарки, которая будет длиться целую неделю. Это те семь дней, когда я не боялась разоблачения, потому что все жители были слишком заняты предстоящей суматохой. После изнурительных часов, проведенных на площади, я могла позволить себе ночью оказаться в объятиях моря, разрывая сдерживающие оковы и проявляя истинную сущность сирены.

Я давала свободу нам обоим.

Вскочив с кровати до рассвета, я начала ходить по комнате из угла в угол и мысленно представлять, что же будет интересного на ярмарке в этом году. Может, кто-то объявит о помолвке или какая-то ревнивая женушка на глазах у толпы будет избивать мужа веером за то, что несчастный окинул мимоletным взглядом артистку, играющую на марака-

сах в весьма откровенном наряде. Подойдя к окну, распахнула лиловые шторы: со стороны рынка, где обычно и проходила ярмарка, слышался смех и разговоры, заглушаемые возгласами артистов и торговцев. Палатки, расположенные напротив друг друга и обрамленные яркими тканями, переливались на солнце, создавая некое подобие длинного коридора для передвижения множества людей, прибывших на празднество. Для хранения одежды, провизии и инструментов бродячих музыкантов выделялся небольшой уголок в самом конце ряда, скрытый от посторонних взглядов склоненными ветвями деревьев.

Антилья — континент, на котором я родилась, — была устлана деревьями, достигавшими в высоту десятки метров. На местах вырубки лесов люди строили дома, кабаки, магазины и дома удовольствий, превратив эту землю в кипящий жизнью оазис. Антилья — главный поставщик древесины для других государств, которые использовали ее для постройки кораблей и судов. Например, на Парифиде из деревьев, кустарников и цветов делали амулеты и кулоны, блокирующие силу чудовищ, живущих по соседству с людьми. Но, безусловно, даже Антилья не могла сравниться с вечнозеленым островом Лемия.

Дриады, населяющие континент, возрождали мраморные деревья, на которых росли необычные плоды хеансы — ягоды здоровья и долголетия, вкушать которые было дозволено далеко не всем существам. Стоило дитяти природы достигнуть шестнадцатилетнего возраста, как она проходила отбор. Дриаде было необходимо на глазах у старейшин при помощи магии возродить, напитать силами и уничтожить плод граната, символизирующий бессмер-

тие и воскрешение. Лишь поистине могущественный лесной дух мог сотворить подобное. Доступны хеансы были далеко не каждому — люди продавали все нажитое, чтобы обрести здоровье и долголетие. Но самую высокую цену платили дриады: возродительницы мраморных деревьев жертвовали чревом, лишая себя счастья материнства. Многие дриады после ритуала заканчивали жизнь самоубийством, не желая мириться с горькой участью.

Сладко потянувшись, я обернулась и лениво обвела взглядом комнату. Она была обставлена небогато, но со вкусом: массивная кровать из белого дуба с каркасом из натуральных веток и ажурным белоснежным балдахином в тон простыням занимала большую часть комнаты; шкаф, резьба на дверцах которого создавала объемные элементы в виде виноградной лозы, стоял в нескольких метрах от постели. Стол, стул и зеркало теснились в углу комнаты. Окно слева от кровати было покрыто пылью и разводами от капель прошедшего накануне дождя, но сейчас пропускало достаточно солнечного света. Шторы легкими волнами струились по обеим сторонам от окна и выглядели бы превосходно, если бы не кричащий лиловый цвет, от одного вида которого меня начинало тошнить. Однако каждый раз я только мило улыбалась и восхищалась изысканным вкусом хозяина поместья Генри, потому что не хотела его обидеть. Стены и потолок, покрытые краской светло-небесного цвета, невольно вызвали мысли о море — истинном доме.

Углубившись в мысли, я не сразу услышала тихий стук в дверь.

— Можно? — робко спросил женский голос.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и вовремя успела прикрыть рот рукой, чтобы никто не услышал мои вопли, а другой — сжала кулон на шее, который блокировал мою силу. Немного успокоившись и глубоко вздохнув, четко и громко произнесла:

— Да, Анна, можешь войти.

На пороге показалась женщина лет пятидесяти, в темном платье, лицо которой избородили старческие морщины, а руки — грубые мозоли от постоянной работы по дому. Платок на голове не смог полностью прикрыть вьющиеся темные кудри, тронутые первыми признаками седины. Глубоко посаженные серо-голубые глаза каждый раз смотрели на меня с тоской и сожалением. Иногда ловила себя на мысли, будто Анна пристально следит за каждым моим шагом, желая, чтобы я приняла ее доброту и тепло за чистую монету, в то время как она смогла бы подобраться поближе и разузнать секреты, хранящиеся в самых темных уголках моей души. Усмехнувшись и облокотившись плечом о стенку шкафа, я скрестила руки на груди и пристально посмотрела на женщину.

Анна немного постояла в проеме, затем вошла и медленно закрыла дверь. Сделав несколько шагов в глубь комнаты, она тихо сказала:

— Эмилия, присядь.

Я закатила глаза, выражая тем самым недовольство, и не сдвинулась с места. Прошло несколько секунд, Анна все молчала. Тогда я сделала жест рукой, призывая ее заговорить первой. Она давно привыкла к моему характеру: вспыльчивому, дерзкому, бескомпромиссному.

Прошло шестнадцать лет с момента моего перерождения в человеческом теле. Шестнадцать лет,

как я изворачиваюсь, изучая и перенимая повадки людей и их стиль общения. Но я все еще злилась, как тогда, в семь лет, когда наблюдала за резвившимися в воде сверстниками, выжидая. Пришлось отказаться от многого, чтобы избежать разоблачения: у меня не было ни друзей, ни знакомых, я не искала поддержки более влиятельных людей или любовных отношений, не подпускала близко тех, кто мог заглянуть в душу и вырвать защитные шипы с корнем.

Анна прокашлялась и начала рассказ:

— Вчера вечером, прежде чем пойти в свою комнату, я подслушала разговор между двумя служанками, которые работают в домах по соседству... — Женщина запнулась, пытаясь подобрать слова, а я сгорала от нетерпения, желая услышать что-то интригующее. — Дело в том, что сегодня на главной площади хотят казнить пирата. Он единственный, кто выжил после морского сражения. Молодой еще совсем, жизни не видел... Казнить будут через повешение. Я... я не хочу, чтобы ты туда шла, Эмилия. Я чувствую, что случится нечто плохое.

Я слегка изогнула бровь и состроила недовольное выражение лица, стараясь понять, что такого плохого может произойти на обычной казни. Взвесив все «за» и «против», равнодушно спросила:

— Это, например, что? Неужели после казни пират вдруг воскреснет? — Усмехнувшись, кинула острый взгляд в сторону Анны, заметив на ее лице беспокойство.

Женщина промолчала.

— Если это все, что ты хотела сказать, то будь добра, не мешай мне собираться и закрой дверь с той стороны. Мы... я целый год ждала эту ярмарку, и

меня не спугнет даже смерть пирата и твое глупое предчувствие.

После этого я демонстративно отвернулась, достала из шкафа платье и, кинув его на кровать, принялась руками разглаживать небольшие складки на тонкой ткани. Внешне я была непоколебима, но внутри все трепетало: проснулся страх совершить непоправимую ошибку. Ведь никто не должен знать мою истинную сущность.

Анна устало вздохнула, развернулась, тихонько открыла дверь и, прежде чем выйти, сказала:

— Ты еще пожалеешь о том, что не послушалась.

Громко хлопнув дверью, она оставила меня один на один с брошенными словами.

Негромко засмеявшись, я надела платье, подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в знакомое за многие десятилетия овальное лицо, обрамленное золотисто-рыжими ниспадающими до талии волосами — моя просьба сохранить прежнюю внешность все-таки исполнилась. Черты были настолько человечны, настолько правильны, что никто не смог бы догадаться о моей тайне. Я всегда гордилась янтарными локонами, представляя, сколько мужчин хотели бы зарыться в них ладонями и протянуть к себе. Пухлые нежно-розовые губы, длинные ресницы, миндалевидные зеленые глаза — одним только взглядом могла легко свести с ума любого мужчину, но не этого требовала моя истинная сущность. Единственное, что мне не нравилось, — тонкий, слегка вздернутый нос, который придавал лицу игривое выражение, из-за чего ко мне многие относились несерьезно, считая легкомысленной и ветреной. Хотя это тоже было мне на руку. Ростом я, к сожалению, как и все сирены, похвастаться не

могла: издалека меня путали с подростком лет тринадцати.

Платье из шелка цвета спелой вишни казалось невесомым, пояс подчеркивал фигуру. Тонкие лямки, усеянные мелким алым бисером, почти сливались с нарядом, но стоило солнцу протянуть лучи, как они засияли радугой. Изначально платье доходило мне почти до пят, но я, не спавшая до рассвета, за несколько часов перекроила наряд, чтобы при ходьбе шелк струился, соблазнительно оголяя бедро. Карманы были расшиты бисером такого же оттенка, что и лямки, создавая витиеватые узоры.

Прикоснувшись к кулону, я слегка отвела его в сторону, оголяя маленький участок кожи на груди и позволяя сирене вынырнуть на поверхность. Приятное тепло разлилось по телу, глаза заволокла алая пелена, на шее раскрылись рваными бутонами жабры. Предвкушая казнь пирата, я широко улыбнулась, обнажив мелкие заостренные зубы. Пусть и не стану погибелью для мальчишки, но наблюдать за его мучениями — истинное наслаждение.

* * *

Спустя несколько часов мы с Генри шли бок о бок и скупали все сладости, которые оказывались у нас на пути. Хотя мое лицо светилось от счастья, я прокручивала в голове слова Анны, чтобы понять: это была угроза или предупреждение? Наблюдая за детьми, носившимися вокруг в старых лохмотьях, невольно вспомнила то, что отчаянно пыталась забыть.

Измученная жаждой и голодом, я бежала сломя голову от двух мужчин, которые пытались меня догнать и отрубить руки за воровство. Как бы тя-

жело ни было, не могла применить чары, выдав тем самым себя.

Споткнувшись, я упала на землю, прижимая к груди синевшее украденное яблоко и, не в силах пошевелиться от сковывающего страха, наблюдала, как стражи стремительно приближались. В руках у них сверкали короткие шпаны, лезвия которых легко вспарывали горло, не позволяя жертве даже осознать кончину.

В переулке не было никого, кто мог бы мне помочь. Лишь издав короткий крик, я почувствовала, как правую сторону лица пронзила жгучая боль и, прижав ладонь к щеке, начала медленно ее поглаживать, стараясь сдержать нахлынувшие слезы. Наверняка останется след от мужской ладони, причину появления которого не смогу объяснить матери. Хотя кого я обманываю? Она его даже не заметит, как не замечала моего существования вот уже несколько лет.

Внезапно совсем близко раздался два выстрела, от звука которых я обхватила голову руками, до крови прикусив нижнюю губу, чтобы не закричать. Окружившие меня стражники лежали на земле — они были мертвы. Лишь когда тяжелая теплая ладонь легла мне на плечо, осторожно поглаживая кожу большим пальцем, я поняла, что опасность миновала. Спасение я нашла в Генри. Мне тогда едва исполнилось двенадцать лет.

Вдруг раздался громкий голос, который принадлежал мужчине:

— Народ, торопись! Только сегодня через пару минут главное шоу дня — казнь пирата! Не пропусти! Вам будет о чем посплетничать на досуге!

Меня как будто окатили холодной водой. Значит, Анна была права — казнь состоится, причем прямо сейчас! Предвкушение, наполнившее тело, настолько взбудоражило и взволновало, что, подхватив подол платья, я устремилась на площадь, совершенно забыв про Генри. Вскоре я уже стояла в первых рядах перед помостом для казни. Мысленно считая секунды до начала зрелища, вскинула голову, где среди небесно-голубого пространства покачивалась от игривого ветерка толстая петля. Генри затерялся в улюлюкающей толпе, которая сомкнулась за моей спиной, но я не обратила на это никакого внимания.

Спустя несколько долгих минут ожидания на площадку эшафота молча вышел палач: остроконечный капюшон скрывал его лицо. За собой он тащил, схватив за патлатые кудри мясистой пятерней, худого мальчишку лет пятнадцати. Я могла разглядеть, как выпирали его кости, обтянутые бледной кожей, лицо покрывала пыль вперемешку с кровью.

Палач одним грубым рывком поставил брыкающегося мальчишку на заранее поставленную табуретку и начал деловито затягивать петлю на тощей шее. Я крепко сжала губы, чтобы скрыть возбуждение. Вена на шее болезненно пульсировала, мурашки пробежали по всему телу.

Я желала большего: стать погибелью пирата. Сорвать кулон, мощным прыжком вскочить на эшафот и рубануть когтями по грудной клетке мальчишки, вскрыть ее, точно створки ракушки, насладиться мучениями и криками жертвы. Стараясь незаметно потереть невыносимо зудящую кожу, я задела локтем рядом стоящего мужчину и, тихо выругавшись, натянула на лицо глупую улыбку.

— Извините! Извините, пожалуйста, я не хотела! — «Думай, Эмилия, думай, как выкрутиться!» — Пока бежала сюда, вспотела, словно мышь, все тело зудит!

Осознав, что сморозила глупость, еще раз тихо выругалась себе под нос и быстро отвернулась. Но почти сразу же почувствовала легкое прикосновение ладони к спине и замерла, затаив дыхание. Я никак не могла избавиться от бессмысленного страха, что кто-то почувствует следы от шрамов, которые давно зажили благодаря лечебному соку особой ягоды. Но воспоминания оказались слишком яркими и болезненными: вырванные по жестокой прихоти Персефоны крылья оставляли уродливые рытвины на лопатках сирен.

Стоило моим сестрам лишь услышать детский пронзительный крик новорожденного младенца, как они всячески пытались спасти необычное дитя от Богини. Персефона, гонимая собственным безумством, лишала младенцев крыльев, оставляя их истекать кровью и ожидая, когда лесные духи придут на помощь и полностью исцелят глубокие раны.

Кто-то наклонился к моему уху и чуть слышно прошептал:

— Как возбужденно вы потираете кожу на шее. Можете продолжать, я не против.

Изогнув бровь, я резко развернулась на пятках, чтобы выразить недовольство, но все слова улетучились: передо мной стоял высокий молодой человек с темными, рвано постриженными волосами, будто он сам отрезал их тупым ножом всего несколько минут назад. Взгляд голубых слегка прищуренных глаз пронзал насквозь, отчего сердце пропустило удар. Левую щеку рассекал шрам, придавая муж-

чине особую привлекательность. Тонкие губы приковывали к себе взгляд, заставляя ими любоваться, но назвать его красавцем я не могла. Черты лица незнакомца смутно напоминали кого-то, и, чтобы не поддасться соблазну погрузиться в воспоминания, быстро тряхнула головой и произнесла:

— Смею заметить, что вы не единственный, кто желает наблюдать за мной. — Вскинув подбородок, посмотрела в глаза незнакомцу.

Мужчина криво усмехнулся. Его белоснежная рубашка была расстегнута на две верхние пуговицы. Серые штаны, подпоясанные черным кожаным ремнем, обтягивали бедра.

— Пользуетесь успехом благодаря внешности? — Издевательский тон заставил сжать в негодовании и гневе кулаки.

Натянув улыбку и едва ли не скрипя зубами, я бросила:

— Пользуюсь успехом благодаря своей независимости и умению видеть людей насквозь.

Внезапно толпа зашла в неистовых бурлящих возгласах, заставив меня обратить внимание на эшафот. Мальчишка уже болтался в петле, а палач затерялся среди ликующих людей.

Сколько времени прошло, пока я разглядывала незнакомца? Как умудрилась пропустить возбуждающий треск ломающихся шейных позвонков?

Раздраженно фыркнув, повернулась, намереваясь высказать незнакомцу все, что о нем думаю, но он куда-то исчез. В кармане платья я нащупала маленькую записку.

«До встречи, Эмилия».

ГЛАВА 4

Подружись со своими пороками, да спасут они жизнь тебе однажды.

Генри

Эмилия стала мне родной после того, как я встретил ее на рынке, голодную и грязную, в рваном платье, которое еле-еле прикрывало колени. Увидев, как она жадно хватается с прилавка сгнившее яблоко, как бежит от двух разъяренных стражников, желающих проучить девчонку за воровство, принял решение: я заберу этого маленького птенчика себе, даже если стражам придется заплатить жизнями, не стоящими для меня и копейки.

Приехав в особняк, первым делом приказал Анне накормить девочку, искупать в теплой ванне и уложить спать, отменяя тем самым все разговоры и допросы. Жена у меня умерла вместе с ребенком во время родов, и после этого я не решался вступить в брак и обзавестись детьми. Жил в достатке отшельником. Лишь Анна, верная служанка, пыталась скрасить череду унылых блеклых дней. Вскоре

я нанял еще несколько молодых девушек в качестве горничных, чтобы они присматривали за домом и выполняли указания Анны, поскольку та уже начала терять хватку из-за возраста: многие дела стали женщине не под силу.

Поначалу я думал, что Эмилия — тихая, скромная, запуганная жизнью двенадцатилетняя девочка, но — боже! — как же я ошибался. С ней невозможно было договориться. Любое распоряжение она горячо оспаривала: если ее что-то не устраивало, она бросала колкие слова и клялась покинуть дом. Ванну всегда принимала в одиночестве, не подпуская даже на порог Анну, которая от чистого сердца пыталась помочь девочке адаптироваться к новым условиям.

Я учил малышку манерам, основам торгового ремесла, она же взамен удовлетворяла мою потребность быть нужным. Вечерами мы читали книги о морских путешествиях и принцессах, похищенных пиратами, про ненависть, перерастающую в любовь, но у Эмилии был всегда один ответ на все: любви, благодарности и добра не существует. Из-за подобных фраз я чувствовал вечную боль девочки, которая шипом засела в сердце маленького ребенка, но не мог избавить Эмилию от этого бремени, хоть и пытался.

Да к тому же в море было беспокойно. Корабли вместе с командами пропадали бесследно, к берегам причаливали лишь обломки некогда огромных судов. Все чаще женщины и дети тонули в море беспричинно и мгновенно. Многие торговцы несколько лет не выходили в открытые воды, боясь повторить горькую судьбу тех, кто отважился на такой шаг:

разбухшие, изъеденные падальщиками тела все чаще вылавливали между камнями.

Томимый думами, я надеялся найти утешение в Эмилии, но необъяснимая тоска сжирала меня изнутри, и вскоре нашелся выход — игра в кости. Почти каждый вечер я навещал местный кабак, проигрывая оставшееся наследство и напиваясь до беспамятства. Если Эмилия и знала о моей пагубной привычке, то старалась не разжигать огонь между нами, пытаясь сохранить тот мир, который еще существовал. Лишь ее взгляды, полные упрека и немой мольбы, заставляли сердце сжиматься и чувствовать вину за проступки.

В тот ярмарочный день, когда Эмилия рванула к эшафоту и затерялась в толпе, я решительно направился в кабак. Уже через несколько часов во власти хмеля поднимал руку с кружкой и громко кричал:

— Поднимаем ставки! Всем пива за мой счет! — И делал три больших жадных глотка.

Охваченный волной азарта, который окутывал кабак и поглощал его целиком, я не до конца осознавал, что творю. Все казалось таким правильным, отчего в сердце поселилась надежда: сегодня удача в моей власти. Через неделю мне должно исполниться всего сорок пять лет, но я уже чувствовал себя стариком: не столько физически, сколько морально. Мне хотелось верить, что еще способен сделать что-то стоящее...

Ради своей дочери.

В тот ярмарочный день, плавно перетекший в сумрачный вечер, только одно не давало мне покоя — незнакомец, сидевший в темном углу за дальним столиком. Он долго и непрерывно смотрел на

меня, как зверь, желающий накинуться на добычу и растерзать ее.

Я быстро выкинул эту мысль из головы и снова принялся за кости, стараясь не обращать на незнакомца внимания. Если до этого момента мне несказанно везло, то теперь я проигрывал больше, чем ставил, но все равно хотел бросить кости еще и еще. Стоило сделать очередную ставку, как вдруг почувствовал за спиной какое-то движение и кинул взгляд через плечо. Позади стоял лысый угрюмый мужчина и крутил в руках короткий нож. Мотнув головой в сторону двери, он четко дал понять, что нужно поговорить.

Сглотнув неприятный ком в горле, я встал и, сказав товарищам, что мне нужно ненадолго отойти, поплелся в сторону двери на негнущихся ногах. Когда мы оказались на улице, головорез резко схватил меня за рубашку и впечатал спиной к стене.

— За что, ч-что я сделал? Что вам надо? Д-денег? У меня нет д-денег, но я мог-гу отрабо-тать! — От испуга я начал заикаться, мой голос больше походил на писк, нежели бас взрослого мужчины.

Головорез отпустил ворот рубашки, отошел на некоторое расстояние и, ловко прокручивая нож между пальцами, заговорил:

— Ты, наверно, забыл, старик, как занимал у меня приличную сумму неделю назад? — Он надвигался, не выпуская из рук оружие. — Где мои деньги? Или ты был настолько пьян, что забыл про долг?

В этот момент я не смел даже дышать. Действительно, неделю назад я занимал деньги, но мне казалось, что уже все отдал.

— Не слышу, где мои деньги? — повторил головорез, вплотную подойдя и проведя кончиком но-

жа по моей щеке. — Не играй с огнем, старик, иначе твоей девчонке придется отрабатывать каждый цент, который ты мне должен. Поверь, ее мольбы о смерти будут для моих ушей слаще песен.

Скосив взгляд, я почувствовал, как по щеке течет струйка крови, и, стараясь не показать волнения, тихо выдохнул. Хотел было ответить, но меня перебили:

— Эй, мужик, не видишь, старику пора спать. Отойди, дай я его провожу, а то заблудится еще по пьяни, напутает, куда идти, шуму наделает.

Стараясь унять бешеное сердцебиение, я медленно перевел взгляд в сторону, откуда раздался голос, и шумно втянул воздух. Тот самый незнакомец, который сидел в темном углу и внимательно следил за каждым моим движением. Руки у него были сложены на груди, брови нахмурены, выражение лица не предвещало ничего хорошего. На запястье виднелся браслет черного цвета, который переливался в лунном свете и издали напоминал змеиную шкуру.

Не услышав ответа, незнакомец настойчиво повторил:

— Я что, неясно сказал? Оставь старика в покое и гуляй дальше.

Все произошло мгновенно, не дав мне возможности хоть что-то понять. Головорез бросился на незнакомца, с такой яростью замахиваясь ножом, что я не смог подавить тихий вскрик, вырвавшийся изо рта. От нахлынувшего страха крепко смежил веки и застыл на несколько минут, слыша неподалеку только громкие удары, пока плечо не сжала крепкая мужская рука.

— Нет, н-не трогайте! Я отд-дам все до копейки! Я все от-тработаю!

Послышался залиvistый смех, заставивший удивленно распахнуть глаза. Головорез лежал на земле с ножом в горле, а незнакомец из кабака стоял напротив, вытирая руку о полы рубашки. Топота подкатила к горлу, но я сдержался и лишь глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь.

— С-спасибо, — только и смог вымолвить.

Незнакомец улыбнулся краем губ, шрам на его лице изогнулся, из-за чего лицо превратилось в пугающую гримасу. Ободряюще похлопав по плечу, он осторожно вытер большим пальцем почти засохшую кровь с моей щеки, заставив съежиться от испуга.

— Я... т-ты... что я могу сделать тебе за спасение? Если бы не т-ты, я уже был бы мертв... — Глаза наполнились слезами.

Я вспомнил смех Эмилии, ее требовательный, рассекающий воздух голос, когда она пыталась что-то доказать, и непроизвольно улыбнулся. Сердце сжалось от тоски: если бы не этот незнакомец, я мог ее больше не увидеть. Свою Эмилию. Свою дочь, хоть и не кровную.

Незнакомец с легкостью прочитал обуревавшие меня эмоции. Он громко усмехнулся, но без издевки, скорее печально.

— Давай для начала я провожу тебя до дома и по дороге расскажу, кем ты можешь меня отблагодарить спустя пару лет.

Я не принял его слова всерьез, подумав, что от пережитого страха не до конца расслышал конец фразы, но то, что он предложил взамен спасению, заставило ужаснуться.

ГЛАВА 5

Нельзя заставить воспоминания обернуться вспять.

Эмилия

Сегодня я могу позволить себе все, поскольку наступил мой день рождения. Мне исполнилось восемнадцать.

Проснувшись с первыми лучами солнца, я сладко потянулась в кровати и зажмурила глаза от удовольствия. Громко выдохнув, решила, что не стоит терять ни минуты драгоценного времени, и резко вскочила на ноги.

Скинув ночную рубашку, наполнила таз прохладной водой, умыла лицо, руки и, обтерев их полотенцем, не сдержала ухмылки. Глаза на мгновение затянуло пеленой, которая возникала каждый раз, когда защитный амулет не соприкасался с кожей.

Подойдя к шкафу и распахнув дверцы, я была готова надеть то платье, которое за годы потрепалось меньше всего, но, заметив внизу коробку, перевязанную бантом, удивленно выгнула бровь. Аккуратно достав подарок из шкафа, я медленно направи-

лась в сторону кровати. Усевшись на самый край, положила коробку на колени и закрыла глаза, чтобы потренировать чутье и определить, что там лежит. Потерпев фиаско и разочарованно цокнув языком, я распахнула глаза и, ухватившись за края крышки, резко потянула ее на себя.

Внутри лежало красное атласное платье. Бросив мимолетный взгляд на коробку, обнаружила открытку, прикрепленную к ожерелью, которое отдаленно напоминало массивный серебристый прямоугольник, словно ошейник. Положив платье на кровать, я перевернула открытку и прочитала надпись, сделанную красивым почерком:

«Моей сирене. Оно прекрасно подойдет к твоим глазам».

Сердце пропустило удар.

Никто не знал и не мог знать обо мне, разве что...

Смахнув с лица растрепанные кудри, я с ненавистью снова взглянула на платье. Оно манило, тянуло к себе. Не в силах сопротивляться, надела подарок и подошла к зеркалу, внимательно всматриваясь в отражение. Тонкие руки покрылись мурашками из-за слишком открытого наряда. Платье оголяло грудь, V-образный разрез на спине доходил до поясицы. Тонкие бретельки, казалось, едва удерживали платье. Когда я тщательнее осмотрела подарок, нашла потайной карман, вшитый в складки юбки. Из-за моего невысокого роста подол оказался слишком длинным, поэтому мне пришлось на скорую руку его подшить.

Я выгнулась, чтобы прикоснуться к лопаткам. Несвойственная людям идеально гладкая кожа, покрытая легким загаром, не могла не вызывать интерес, приводя меня в бешенство каждый раз, ког-

да кто-то хотел прикоснуться к ней. Но смертные и не догадывались, что когда-то эту спину уродовали два глубоких шрама.

Как только сирена лишалась крыльев, лесные духи, которые обитали на тайном острове, оказывали ей помощь: втирали сок ядовитой ягоды соджою в кожу. Обработанный участок нещадно жгло, но мы не смели ничего сказать против: лечебная жидкость быстро затягивала раны.

Шрамы больше не чернели уродливой кляксой на теле, но эта травма оставалась в душах сирен навсегда, напоминая о жестоком обращении богини Персефоны.

Еще несколько минут покружившись у зеркала и подхватив подол платья, я покинула комнату и бежала по лестнице, чтобы найти Генри.

Генри

Солнце слепило так, что глаза слезились. Задержав шторы наполовину, я медленно отошел от окна и упал в кресло, не забыв прихватить с собой бутылку. Плеснув ром в бокал и отпив большой глоток, зажмурился и громко выдохнул, чтобы заглушить горечь. Грудь обожгло, но мне это доставляло только удовольствие. Поставив бокал рядом с бутылкой на шаткий стол, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, пытаюсь успокоиться и понять, как избежать предначертанного, но в голове непроизвольно зазвучал голос незнакомца:

«Генри, ты славный малый, но не стоит воспринимать мою щедрость за добрый жест. Подумай сам: ты стар, у тебя нет положения в обществе,